

Перевод и переводчики в литературной системе Сергея Довлатова

Translation and Translators in Sergei Dovlatov's Literary System

MARGARITA SAVCHENKOVA⁸⁵, *University of Salamanca*
margsav@usal.es

Received: July 18, 2022.

Accepted: December 29, 2022.

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется подход Сергея Довлатова, представителя третьей волны русской эмиграции в США, к проблеме перевода и фигуре переводчика. На материалах довлатовских повестей и рассказов, наряду со статьями, письмами, эссе и интервью, прослеживается противоречивое отношение писателя к переводческой деятельности и неоднозначное восприятие им переводческой профессии. Высоко оценивая американскую переводную литературу, автор многократно снижает значимость переводов с русского на английский, указывая тем самым на превосходство русского литературного перевода и языка над английским. Им предлагается ряд рассуждений относительно перевода собственного творческого наследия, роли переводческих практик в контексте литературы СССР и непереводаемости некоторых русских слов и явлений советской действительности. В творчестве писателя можно заметить четкое разграничение между женщинами-переводчиками, рассматривавшимися как объект мужского внимания, и мужчинами-переводчиками, представленными на страницах книг Довлатова в виде комических героев. Между тем, как показывает анализ, в жизни и работе самого прозаика обнаруживаются черты, свойственные профессии переводчика. Наши замечания и выводы касательно места перевода и фигуры переводчика в рамках довлатовских текстов подкреплены научными исследованиями в области переводоведения, а также публикациями, посвященными произведениям Довлатова.

Ключевые слова: литературный перевод, переводчик, литература русского зарубежья, третья волна русской эмиграции, Сергей Довлатов.

Abstract: This article analyses the approach of Sergei Dovlatov, exiled Russian writer of the Third Wave in the United States, to the problem of translation and the translator's figure. Using materials from Dovlatov's novellas and short stories, as well as his articles, letters, essays, and interviews, we can trace the writer's contradictory attitude towards the translation activity and his ambivalent perception of the translation profession. While highly appreciating the American translation literature, the author repeatedly downplays the importance of translations from Russian into English, thus pointing out the superiority of Russian literary translation and language over English. He offers a number of reflections on the translation of his own creative heritage, the role of translation practices within the context of Soviet literature, and the untranslatability of certain Russian words and Soviet phenomena. In the writer's prose a clear distinction is drawn between women translators, viewed as an object of male attention, and male translators, presented in the pages of Dovlatov's books as comic characters. Meanwhile, the analysis shows that in the life and work of the novelist himself we can detect some traits that are typical of the translator's profession. Our observations and conclusions about the place of translation and the figure of the translator in Dovlatov's texts are supported by research in translation studies, as well as by the publications on Dovlatov's writings.

Keywords: literary translation, translator, Russian abroad literature, third wave of Russian emigration, Sergei Dovlatov.

⁸⁵ The author is a member of the Research Group TRADIC (University of Salamanca). She is currently working on her predoctoral project, financed by the Regional Government of Castile and Leon (Spain) and the European Social Fund (Orden de 21/12/2020).

1. Введение

Несмотря на то, что существует множество научных работ, посвященных проблемам перевода прозы Сергея Довлатова, тема перевода и фигуры переводчика в его произведениях остается неизученной. Между тем ее важность нельзя недооценивать: в творчестве писателя⁸⁶ многократно возникают упоминания как переводческой деятельности, так и переводческой профессии. В последние годы жизни он посвятил два эссе переводу и переводчикам – «Переводные картинки» и «Это неперебиваемое слово – “хамство”». Наконец, нельзя забывать и об эмиграционном опыте писателя, «русского по профессии» (Довлатов, 2017с: 408), как он сам себя характеризовал, с 1978 года проживающего в англоязычной языковой среде и ежедневно сталкивающегося с проблемами межкультурной коммуникации.

Как известно, Иосиф Бродский считал, что произведения Довлатова сравнительно легко переводить (Генис, 2017: 136). Тем не менее исследователи его творчества на протяжении последних нескольких лет успешно доказывают обратное, отмечая сложность передачи на другие языки советских реалий, а также бесконечные каламбуры, игру слов и блатную лексику, свойственные персонажам его прозы. В их публикациях о переводах довлатовских текстов преимущественно затрагиваются следующие темы: трудности перевода Довлатова на английский (Butenina, 2016), сербский (Тыртова, 2019), итальянский (Сальмон, 2008; Цыганкова, 2018) и португальский языки (Mikaelyan, 2016); стратегии перевода юмора (Нестерова и Корюкина, 2007; Mikaelyan, 2014; Микаэлян, 2019); перевод советизмов (Шелкова и Давиденко, 2016; Пушкина, Толстова и Кривошлыкова, 2020) и специальной лексики (Тарасенко и Керо Хервилья, 2021).

Однако можно задаться следующими вопросами. Как писатель расценивал такое явление, как перевод? Что он думал о переводе собственных произведений и переводчиках? Насколько суждение Гениса (2017: 128) о том, что «после переводчиков в Америке Сергею [Довлатову – М. С.] больше всего нравились уличные музыканты и остроумные попрошайки», соответствуют истине? Наблюдается ли различие в отношении Довлатова к переводчикам-женщинам и переводчикам-мужчинам? Можно ли считать самого писателя переводчиком в широком понимании этого слова?

Цель нашей статьи – попытаться ответить на эти вопросы, проанализировав упоминания в текстах Довлатова о переводе и о представителях переводческой профессии, и дополнить таким образом еще один штрих в составлении портрета писателя. Для этого мы подробно ознакомимся с рассказами, повестями, статьями, эссе, письмами и интервью автора, представленными в четырехтомном сборнике произведений Довлатова, а также с филологической прозой, не вошедшей в вышеназванный сборник (Довлатов, 2013) и письмами прозаика Игорю Ефимову (Довлатов и Ефимов, 2001). Завершив поиск упоминаний перевода в названных источниках, мы перейдем к систематизации и исследованию полученных данных. Наши наблюдения и суждения будут подкреплены научными работами из области

⁸⁶ Довлатов много раз упоминал в интервью и письмах, что считает себя не писателем, а скорее рассказчиком, «который хотел бы стать и писателем» (Довлатов, 2017d: 337). Тем не менее в этой статье для его обозначения нам представляется уместным использовать слово «писатель».

переводоведения и публикациями, касающимися творчества Довлатова.

2. Довлатов и перевод

2.1. Искусство литературного перевода

Высказывания Довлатова об искусстве перевода неоднозначны. Для начала стоит отметить, что в довлатовском случае обращение к услугам переводчиков было неизбежным, так как он продолжал заниматься литературной деятельностью в США и стремился выйти на американский рынок. Писатель отзывался об этой ситуации следующим образом: «Десять лет я работаю с переводчиками. Хотя всю жизнь мечтал о сольном пении. И вот на старости лет пою дуэтом» (Довлатов, 2017d: 267).

Серьезный интерес вызывала у него американская проза, с которой он был знаком в переводе. По признанию самого писателя, он «так любил американскую прозу, [...] что должен с некоторым смущением сказать, что американская проза [...] нравилась [ему] больше, чем русская» (Глэд, 1991: 85). По словам Арьева (2017: 23), «[о]б увлечении Довлатова [...] Шервудом, Андерсоном, Хемингуэем, Фолкнером, Сэлинджером можно говорить долго». Так, Довлатов высоко ценил владение языком переводчицей Ритой Райт-Ковалевой, ставя ее выше современных ей русскоязычных писателей:

- У кого, по-вашему, самый лучший русский язык?
- [...] Я [главный персонаж Довлатова – М. С.] сказал:
- У Риты Ковалевой.
- Что за Ковалева?
- Райт.
- Переводчица Фолкнера, что ли?
- Фолкнера, Сэлинджера, Воннегута. (Довлатов, 2017c: 359-360).

Тем не менее данные обстоятельства не помешали автору относиться к переводу как к явлению второсортному, уступающему литературе. По мнению Довлатова, успех советской переводческой школы объясняется тем, что крупные писатели занимались переводами для заработка в ущерб собственному творчеству:

Вышла нашумевшая книга — «Мастера русского стихотворного перевода». Ей была предпослана статья Эткинда. Коротко одна из его мыслей заключалась в следующем. Большие художники не имели возможности печатать оригинальные стихи. Чтобы заработать на хлеб, они становились переводчиками. Уровень переводов возрос за счет качества литературы в целом. (Довлатов, 2017b: 45).

В Союзе переводчик — фигура. Эта профессия долгие годы была, что называется, убежищем талантов. Лучшие советские писатели не издавались. На жизнь зарабатывали переводами. И делали это, надо полагать, в ущерб своему оригинальному творчеству. То есть уровень художественных переводов рос за счет отечественной литературы в целом. (Довлатов, 2017d: 264).

Писатель подчеркивает, что в США отношение к переводу и переводческой деятельности отличается по сравнению с Советским Союзом, где «очень люб[ят] все импортное, в том числе и переводную литературу» (Довлатов, 2017d: 264). В

качестве доказательства Довлатов (2017d: 265) приводит следующие слова: «Денег больших переводческая работа в Америке не сулит. Престижа в ней маловато. [...] В Америке переводами занимаются главным образом филологи. [...] Для них это часть профессиональной карьеры». Также он с иронией подмечает, что «американцы предпочитают собственную литературу. Переводные книги здесь довольно редко становятся бестселлерами. Библия — исключительный случай» (Довлатов, 2017b: 56).

Несмотря на то, что в одной из работ писатель прямо называет переводческую деятельность творчеством, он противопоставляет ее «оригинальному творчеству», не доступному переводчикам:

Наконец, переводы — это творчество. [...] Есть люди, которым оригинальное творчество почему-то не дается. Зато по чужой канве они вышивают с блеском. Это какая-то органическая способность к перевоплощению. (Довлатов, 2017d: 265).

Сопоставляя оригиналы и переводы, в большинстве случаев Довлатов указывает на превосходство первых над вторыми:

— Значит, Воннегут звучит по-русски лучше, чем Федин?

— Без всякого сомнения.

Панова задумалась и говорит:

— Как это страшно!.. (Довлатов, 2017c: 360).

И я спрошу ее:

— Вы что-то уже переводили с русского?

— Да, — ответит Лайза, — я перевела стихи Цветаевой.

И добавит:

— В моих переводах они звучат лучше, чем в оригинале.

Вот этого я уже перенести не смогу. И дружба наша, к сожалению, прервется. (Довлатов, 2017d: 258).

Лишь в случае работ Райт-Ковалевой писатель допускает преимущество перевода, вставив в речь одного из своих персонажей следующую фразу: «Романы Курта [Воннегута – М. С.] страшно проигрывают в оригинале...» (Довлатов, 2017b: 360). Однако следует отметить, что история о популярности Воннегута в СССР написана в юмористическом ключе.

В целом, как уже было упомянуто, Довлатов относится к переводу как к явлению вторичному, менее важному, чем литература. К сожалению, данное видение было свойственно не только ему: «Translation has been frequently contrasted unfavourably with “original” writing, as a kind of lesser activity, or as a form of training for the “real” business of writing» (Bassnett, 1996: 10). На протяжении последних лет исследователи в области переводоведения с успехом подтверждают ошибочность этой догмы. Переводчик является самым настоящим автором (Álvarez and Vidal Claramonte, 1996: 4), без вмешательства которого оригинал обречен на исчезновение (Bassnett, 1996: 12). Или, как выражался восхищавший Довлатова Бродский:

Civilization is the sum total of different cultures animated by a common spiritual numerator, and its main vehicle—speaking both metaphorically and literally—is translation. (Brodsky, 1986: 139).

2.2. О переводе собственных книг

Что касается довлатовских произведений, автор вместе с его главным героем альтер-эго многократно подчеркивает высокое качество их английских версий, выполненных переводчицей Анн Фридман, речь о которой пойдет ниже: «Все меня поздравляли. Говорили, что перевод выразительный и точный» (Довлатов, 2017а: 49); «Книги мои издавались в хороших переводах» (Довлатов, 2017b: 56). В этом контексте писатель не упускает возможность пошутить над сопоставлением оригинала и перевода:

Не случайно один мой коллега любил повторять:
— Довлатов явно проигрывает в оригинале... (Довлатов, 2017b: 56).

Я у Бродского спросил по телефону:
— Вы мой рассказ читали?
— Читал.
— А перевод читали?
— Читал.
— Ну и как?
— Перевод замечательный.
Затем он то ли уточнил, то ли исправился:
— Адекватный. (Довлатов, 2017d: 258).

В свою очередь, Довлатов считает обидным мнение, что его работы легко переводить:

Мои друзья [...] вели какие-то обидные дискуссии. Споры о причинах моего, что называется, успеха. Один знакомый говорил: «Тут дело в модной русской проблематике». Другой: «Америка проявляет благородную снисходительность к эмигрантам». Третий: «Его легко переводить». (Довлатов, 2017d: 268-269).

При этом, по словам Тыртовой (2019: 460), он сетует на то, что «Заповедник», напротив, переводить трудно. Генис (2017: 162) винит в этом одного из персонажей повести – фотографа Валеру, «которым Сергей гордился больше, чем другими, понимая, однако, что как раз из-за этого безудержного болтуна его лучшая книга не поддается переводу».

Писатель нередко отмечает, что в связи с растущей популярностью в США во время написания своих работ он думает о переводчиках: «Что бы я ни сочинял, вечно думаю о переводе. Даже в этих, например, записках избегаю трудных слов. Вы заметили?» (Довлатов, 2017d: 267).

Однако, несмотря на оглушительный успех в Америке переводов, выполненных Фридман⁸⁷, и собственный опыт чтения американской прозы на русском, Довлатов настаивает на том, что только через оригинал можно по-настоящему познакомиться с творчеством писателя: «[Д]ома не печатали, а здесь нет аудитории, американцы не считаются, они имеют дело не с тобой, а с переводами — ощущение довольно странное» (Довлатов, 2017d: 336). Здесь мы вновь сталкиваемся с пониманием перевода «as diminution of the source, or a betrayal of it» (Bassnett, 1996: 12).

⁸⁷ За перевод «Зоны» Фридман была удостоена престижной переводческой премии.

2.3. Невозможность перевода

Существует множество исследований, касающихся темы непереводаемого в переводе (Carbonell, 1999; Apter, 2013; Venuti, 2016). По мнению Алексеевой и Павловой (2020: 455), «[н]екоторые понятия, представления, образы невозможно передать для других настолько кратко и ясно, чтобы соответствующая формулировка могла считаться переводом в традиционном смысле этого слова».

В своих работах Довлатов не раз делится с читателем размышлениями о непереводаемости некоторых слов и выражений⁸⁸. К примеру, так он рассуждает о переводе советских реалий:

Когда американец переводит, например, француза, он имеет дело с реальностью более или менее ему знакомой. А как, например, перевести: «Иванову дали жилплощадь»? Или, скажем: «Петрову удалось достать банку растворимого кофе»? Или, допустим: «Сидоров лишился московской прописки»? (Довлатов, 2017d: 266).

Особую сложность писатель видит в поиске английского эквивалента некоторых русских слов (например, «халтура» или «хамство»):

За шесть лет в Америке мне довелось работать с несколькими переводчиками, [...] совместно мы разрешили множество лингвистических проблем, вышли из множества словесных тупиков, но слово «халтура» по-прежнему вырастает каждый раз перед нами как непреодолимое препятствие. (Довлатов, 2017d: 293).

Владимир Набоков, годами читая лекции [...] юным американским славистам, бился в попытках объяснить им «своими словами» суть непереводаемых русских понятий — «интеллигенция», «пошлость», «мещанство» и «хамство». Говорят, с «интеллигенцией», «пошлостью» и «мещанством» он в конце концов справился, а вот растолковать, что означает слово «хамство», так и не смог. (Довлатов, 2017d: 295).

Отдельным парадоксом для писателя становится перевод жаргона. Он искренне сомневается в успешности передачи на английский язык своих произведений из-за постоянного использования блатной лексики:

[Г]ерои моих рассказов — зеки, фарцовщики, спившаяся богема. Все они разговаривают на диком жаргоне. [...] Как, например, можно перевести такие выражения: «Игруля с Пердиловки...» Или: «Бздиловатой конь породы...» Или, допустим: «Все люди как люди, а ты — как хрен на блюде...». (Довлатов, 2017d: 257).

- Повело, — говорю, — кот на блядки!
- Что? — заинтересовался Ларри.
- Непереводаемая игра слов, — быстро пояснил Мокер... (Довлатов, 2017b: 124).

По словам самого Довлатова, частичному решению проблемы перевода арготической лексики способствовало появление «Словаря блатного жаргона» А. С. Скачинского:

Будучи заключенным, увлекся языковыми проблемами. На богатом лагерном материале подготовил словарь. Смог издать его только на Западе. Когда-то я разослал

⁸⁸ Довлатов посвятил целое эссе теме непереводаемости слова «хамство».

этот словарь чуть ли не всем знакомым переводчикам. Все они были счастливы. (Довлатов, 2017d: 268).

В эссе «Переводные картинки» автор много рассуждает о «переводимости» текстов ряда русских писателей. По его мнению, Толстого легче переводить по сравнению с Гоголем, а Тургенева по сравнению с Лесковым. В свою очередь, Зошенко для Довлатова неперево́дим: он «создает переводчикам удвоенные трудности, одновременно являясь выразителем «специфической отечественной реальности» и обладая «сво[им] особы[м] язык[ом]» (Довлатов, 2017d: 266).

Также отметим, что такой популярный переводческий прием как пояснение в виде сноски вызывает у Довлатова негативное отношение. Сноски он дважды определяет словом «беспомощный»: «А то, знаете, в переводных романах делают иногда беспомощные сноски: “В оригинале — неперево́димая игра слов...”» (Довлатов 2017a: 23) и «[В] следующий раз, напорвшись на слово “халтура”, я предложу переводчику сделать такую беспомощную сноску: [...]» (Довлатов, 2017d: 294).

3. Довлатов и переводчики

3.1. Женщина-переводчик как объект мужского внимания

На страницах довлатовской прозы читатель неоднократно встречается с женскими образами. Большинство героинь Довлатова в той или иной степени пребывает в поиске так называемого «женского счастья» (Шоронова, 2015: 54), заключающегося в создании семьи и построении благополучных любовных отношений. В общении с представителями противоположного пола они ведут себя кокетливо, всячески пытаются продемонстрировать свою женственность. В свою очередь, мужские персонажи, и в особенности сам рассказчик, часто проявляют к ним интерес романтического характера, ожидая с их стороны встречных знаков внимания. Достаточно вспомнить образы Марины, Беллы и Эви из «Компромисса» или Маруси Татарович из «Заповедника».

Женщин-переводчиков в литературном наследии Довлатова ждала похожая судьба. В первую очередь отметим диалог из повести «Ремесло» между главным героем и переводчицей Эллен, которую автор характеризует как «красив[ую] блондинк[у], [м] одель с рекламного плаката финской бани» (Довлатов, 2017b: 56):

— Скажите откровенно. Ради чего вы сюда ходите? Что вам нужно от меня?

— Понимаете, у вас язык хороший.

— Что?

— Язык. Литературный русский язык. В Таллине, конечно, много русских. Только разговаривают они грубо, примитивно. А вы говорите ярко, образно... Я переводами занимаюсь, мне необходим литературный язык... В общем, я беру уроки. (Довлатов, 2017b: 57-58).

Перед тем, как состоялся указанный разговор, рассказчик считал, что героиня приходила в редакцию, где он работал, с целью его соблазнить. В этой же повести можно обнаружить приравнивание переводчика к популярному гендерному стереотипу — секретарше: «Дроздов был работником широкого профиля. [...] Да еще ухаживал

за тремя женщинами: секретаршей, машинисткой и переводчицей» (Довлатов, 2017b: 130).

Автору, вне сомнений, льстило внимание женщин-переводчиков: в одном из писем Ерофееву он с радостью отмечает, что две переводчицы повздорили за право переводить его новую книгу. Примечательно, что он называет их словом «женщины», указывая в скобках их фамилии: «две женщины (Фридман и О'Коннор) рассорились, борясь за право над этой книжкой трудиться» (Довлатов и Ерофеев, 2001: 91).

Отдельную роль как в жизни, так и в творческом мире писателя сыграла уже упомянутая Анн Фридман, переводчик на английский язык одних из самых популярных произведений Довлатова: «Зона», «Компромисс» и «Наши»⁸⁹. В повести «Ремесло» ее образ воплощен в героине по имени Линн Фарбер. Несмотря на то, что Довлатов высоко ценит переводческие способности Фридман, свою первую встречу с ней он описывает как любовное свидание: «Неужели все это происходит со мной — Америка, литература, юная блондинка?!»; «Надо ли говорить о том, что я сразу решил жениться? [...] Что может быть естественнее и разумнее — жениться на собственной переводчице?!» (Довлатов, 2017b: 256). Особое внимание он акцентирует на внешности Фридман:

Хорошо, меня заранее предупредили, что Энн Фридмен красавица. Иосиф [Бродский — М. С.] сказал: «Похожа на „Мадонну“ Боттичелли». [...]

И вдруг я ее узнал, причем безошибочно, сразу. Настолько, что окликнул. Наверное, Боттичелли скромно тайлся в моем подсознании. И когда потребовалось, благополучно выплыл.

Действительно, Мадонна. Приветливая улыбка, ясный взгляд. (Довлатов, 2017b: 255).

Тем не менее необходимо отметить некоторые противоречия в описании переводчицы Довлатовым. К примеру, в нескольких источниках писатель по-разному высказывается о владении Фридман русским языком: «[П]ереводчица Энн Фридмен, чей русский язык не хуже моего» (Довлатов, 2013: 94), «По-русски говорила довольно хорошо, но с заметным акцентом» (Довлатов, 2017a: 118); «Мои рассказы о журналистике переводит Аня Фридман. Что-нибудь знаете о ней? По-русски все они говорят одинаково плохо». (Довлатов и Ерофеев, 2001: 47).

В личной переписке с Ерофеевым Довлатов признает, что Фридман «единственная доступная [ему] хорошая переводчица» (Довлатов и Ерофеев, 2001: 234), однако также выражает свое недовольство по поводу скорости ее работы: «Аня — страшная копуша. Она каждый рассказ переводит ровно год» (Довлатов и Ерофеев, 2001: 158); «Между тем, [...] моя переводчица губит меня, нарушает все сроки, срывает идеи и планы» (Довлатов и Ерофеев, 2001: 233), «Я нахожусь в полной зависимости от агента и переводчика, людей симпатичных, но совершенно далеких» (Довлатов и Ерофеев, 2001: 275). Возмущение автора, раздраженного поведением переводчицы, в одном из писем переходит в прямое ее оскорбление: «Эта тихая, елейная, нежная и плаксивая сука [...] отказалась читать, заявив, что неэтично оценивать чужую работу. По-моему, врет и ленится» (Довлатов и Ерофеев, 2001: 331). В отношении Довлатова к Фридман четко прослеживаются две линии: почтение перед живым воплощением «Мадонны» Боттичелли, делающей доступной его прозу для американских читателей, и нежелание

⁸⁹ О критике переводов Фридман см. Сальмон (2008: 215-218).

быть зависимым от переводчицы, ведущее к ее презрению.

В целом, то, как Довлатов отзывается о женщинах-переводчикам, во многом совпадает с его восприятием перевода. В связи с этим можно вспомнить аналогию, проведенную канадской исследовательницей Шерри Саймон, между женщиной и переводом: оригинал рассматривается как сильная, генерирующая категория, равная мужскому началу, а в свою очередь перевод вторичен, зависим от оригинала и соотносим с женским началом (Simon, 1996). Французский философ Жак Деррида также идентифицирует перевод с женщиной: Деррида показывает, что «истинная природа женщины и природа перевода состоит в их отличии, и это отличие, будучи соблазнительно недоступным, является прекрасным и неверным»⁹⁰ (Godayol, 2008).

3.2. Мужчина-переводчик как комический персонаж

Следует отметить, что, по сравнению с женщинами-переводчиками, работа мужчин-переводчиков в прозе Довлатова представлена нейтрально или является предметом юмора. Говоря о нейтральном изображении переводчика, можно привести в пример следующие мужские образы: «А вот приходил на днях один филолог со знакомой журналисткой... Или даже, кажется, переводчик. Служил, говорит, надзирателем в конвойных частях...» (Довлатов, 2017а: 226), «Мейлах работал в ленинградском Доме кино. Вернее, подрабатывал. Занимался синхронным переводом» (Довлатов, 2017с: 323).

Мужчины-переводчики неоднократно становятся объектом довлатовской поэтики парадокса, по определению Сальмон (2008). Во многих случаях речь идет о непрофессиональных переводчиках-эмигрантах, вынужденных посвятить себя этой профессии по стечению обстоятельств. Так, заслуживает внимания следующее объявление, упомянутое в «Зоне»:

В нашей русской колонии попадают чудные объявления. Напротив моего дома висит объявление:

ТРЕБУЕТСЯ ШВЕЙ!

Чуть левее, на телефонной будке:

ПЕРЕВОДЫ С РУССКОГО И ОБРАТНО.

СПРОСИТЬ АРИКА... (Довлатов, 2017а: 43).

Как и Арик, не посчитавший необходимым указать, на какой язык он переводит, Ленья, персонаж «Иностранки», не проявляет большого интереса к переводческому миру:

Переводчиком у него работал эмигрант из Борисполя — Ленья. В будущем Ленья собирался открыть магазин ювелирных изделий. Он говорил:

— На этом я всегда заработаю свою трудовую копейку... (Довлатов, 2017с: 42).

Журналист Виля Мокер, герой повести «Ремесло», чье знание английского языка весьма ограничено, выполняет роль устного переводчика во время встречи с

⁹⁰ Оригинал (исп. яз.): «[...] verdadera naturaleza de la mujer y la traducción es la diferencia y [...] la diferencia, en tanto que seductora inaccesibilidad, es bella e infiel». Все переводы с испанского на русский, которые фигурируют в этой статье, выполнены ее автором.

итальянским мафиози:

Я сказал Мокеру, что заплачу за два коктейля.

— Кам-ан, — широко отмахнулся Мокер и тут же перевел: — Еще бы!..

[...] После этого Мокер заговорил. Кое-что мы понимали. Кое-что он переводил нам. Вообще, чем хуже люди говорят по-английски, тем доступнее мне их язык. (Довлатов, 2017b: 110).

Довлатов высмеивает не только непрофессиональных переводчиков: описание специалистов, работающих с редкими языками, также носит юмористическую окраску. Например, в сборнике рассказов «Наши» писатель отзывается о трех победителях всесоюзного конкурса юных поэтов, среди которых был будущий переводчик с языка коми, как о проигравших:

Нас было трое победителей — Леня Дятлов, Саша Макаров и я. Впоследствии Леня Дятлов спился. Макаров переводит с языка коми. А я вообще неизвестно чем занимаюсь. Но тогда мы были победителями. (Довлатов, 2017b: 209).

Отношение к переводу как к второсортному явлению прослеживается и в высказываниях Довлатова о мужчинах-переводчиках. В большинстве случаев персонажи-переводчики его прозы посвящают себя этой деятельности в связи со сложившейся жизненной ситуацией и часто совмещают перевод с другими видами заработка.

4. Довлатов как переводчик

Как отмечает Воронцова-Маралина (2007: 110), «[в]се произведения Довлатова выстраивают единый метасюжет его прозы, хронологически воспроизводящий этапы жизненного пути и творчества автора». Меерзон рассуждает о рассказчике в творчестве Довлатова как о его собственном альтер-эго: «Dovlatov focused his stories on his literary alter-ego, the character “Sergei Dovlatov,” who would appear on his pages both as character-narrator and character-participant» (Meerzon, 2015: 73). В свою очередь, Закуренько (2005) использует метафору маски для характеристики главного героя работ писателя: «Рассказчик часто, словно маску, натягивает на себя биографию, внешность и даже фамилию своего создателя».

Сам центральный персонаж повести «Зона» так описывает свое превращение одновременно в автора и в героя: «У меня началось раздвоение личности. Жизнь превратилась в сюжет. [...] Я начал думать о себе в третьем лице» (Довлатов, 2017a: 47). Учитывая тот факт, что «главный герой [Довлатова – М. С.] [...] обладает ярко выраженными автобиографическими чертами писателя» (Воронцова-Маралина, 2007: 110), мы представляем возможным рассматривать фигуру Довлатова-писателя как переводчика эпизодов реальной жизни – того самого «сюжета», о котором он упоминает в указанном выше произведении.

Новейшие исследования в области переводоведения (например, Bassnett and Johnston, 2019) доказывают, что понятие «перевод» с успехом может применяться не только по отношению к переводческой практике с одного языка на другой, а в целом

к любой коммуникативной ситуации. Так, говоря о процессе создания литературного произведения, в некоторых случаях допустимо обращаться к этому термину (Regenau, 2012; Farley, 2013; Wang, 2019; Zhuang, 2021). Приведем несколько аргументов, демонстрирующих, что в случае с Довлатовым имеет смысл говорить о переводе.

Во-первых, необходимо еще раз подчеркнуть автобиографичность произведений писателя. Работая в жанре «псевдодокументализма», по определению самого Довлатова (Глэд, 1991: 90), и непрерывно переходя между «жизнью и художественным творчеством» (Воронцова-Маралина, 2007: 107), он ищет возможность творчески воссоздать реальность на бумаге. При этом его текст тщательным образом сконструирован, переведен с устной речи: «у Довлатова нет ни одного предложения, где слова начинались бы с одинаковых букв» (Арьев, 2017: 25). Как точно отметил Генис (2017: 133-134), «[а]мериканская жизнь Довлатова походила на его прозу: вопиюще недлинный, избыливающий многоточиями роман пунктиром». Этот роман прозаик и переводил.

Во-вторых, сам писатель отзывался о создании своих произведений следующим образом:

[Я] не уверен, что мои рассказы зарождаются именно во мне. Я их не создавал, я только записывал, мучительно подбирая слова, которые бы кое-как отвечали тому, что я слышу, как голос извне. (Довлатов, 2017d: 307-308).

Представленное описание больше напоминает работу переводчика, чем писателя. Как и переводчик, Довлатов подбирает слова, которые бы соотносились с «голос[ом] извне», оригинальным текстом. Африка Видаль Кларамонте, испанский специалист по переводоведению, определяет это явление следующим образом: «Это переводчик, находящийся в постоянном процессе перевода»⁹¹ (Vidal Claramonte, 2022: 39). Похожим образом Иосиф Бродский использует слово «перевод», рассуждая о творчестве Марины Цветаевой: «The reliability of Tsvetaeva's metaphysics comes precisely from the accuracy of her translation of Angelic into police-station parlance» (Brodsky, 1986: 237).

В-третьих, нельзя забывать о еще одной творческой деятельности, увлекавшей писателя помимо литературы, – журналистике (Young, 2009; Ласточкина, 2010; Доброзракова, 2016; Косова, 2018). Довлатов много лет проработал в редакциях различных советских газет и после отъезда из СССР был одним из основателей эмигрантского издания «Новый американец». Многие из главных героев, альтер-эго автора, также посвящают себя журналистике. Здесь важно отметить, что существует ряд исследований по переводоведению, прослеживающих связь между работой журналиста и переводчика (Hernández Guerrero, 2009, 2019; Bassnett and Bielsa, 2009; Martín Ruano and Vidal Claramonte, 2016; Conway, 2021: 30). Эрнандес Герреро объясняет это явление следующим образом:

The news producers' work consists of generating news, which may involve translation, understood in different ways. These do not always coincide with the traditional concept of translation since the aim of the target text is not always to reproduce an original text but rather to use it in order to produce information for the specific medium which publishes it. (Hernández Guerrero, 2019: 386).

91 Оригинал (исп. яз.): «Es un traductor en constante traducción».

В соответствии с ожиданиями своей публики и заказчика журналист-переводчик скрупулезно отбирает данные, создавая на их основе текст, который по сути является одной из интерпретаций события, его переводом. Если подходить к вопросу с этой точки зрения, окажется, что и в журналистской деятельности Довлатова всегда имел место перевод.

5. Выводы

Подводя итог вышесказанному, мы можем дать следующее определение месту перевода в творчестве Довлатова. Во многом отношении прозаика к этому явлению неоднозначно и противоречиво. Вне сомнений автор отдает себе отчет в том, что особое влияние на него оказала американская литература, доступная ему лишь на русском языке. Тем не менее, если в случае американских произведений, писатель будто бы и не обращает внимание на то, что читает не оригинал, а перевод, в отношении перевода собственной прозы на английский язык он высказывается скептически, искренне полагая, что через перевод с его оригинальными текстами (а значит, и с ним самим) познакомиться невозможно. При этом Довлатов (2017с: 402) видит необходимость в переводе собственных работ и даже подчеркивает преимущество издаваться на двух языках: «У писателя-эмигранта есть огромное преимущество — двойная аудитория. Всегда есть запасная аудитория. И всегда есть запасной издатель».

Он много рассуждает о непереводаемости некоторых слов и понятий, а также характеризует как непереводаемые тексты Михаила Зощенко, одного «из самых любимых довлатовских авторов» (Доброзракова, 2019: 94). Довлатов сожалеет, что некоторые русские писатели вынуждены были заниматься переводами в ущерб собственному творчеству, и одновременно настаивает на высоком качестве их переводов на русский.

В этом противоречивом клубке мыслей писателя можно заметить следующее связующее звено: относясь к переводческой деятельности как к литературному явлению второстепенного уровня, Довлатов при этом четко различает переводы на русский язык и на английский. О переводах на русский он не высказывается в негативном ключе, тогда как об английских переводах обычно отзывается нелестно (исключение – переводы Фридман его собственных книг, да и их популярность вызывает у автора удивление). В данном подходе прослеживается идея Довлатова о превосходстве русского перевода да и русского литературного языка, которым он владеет в совершенстве, над английским, на котором с трудом объясняется: «Я понял, что никогда не буду писать об Америке, никогда не перейду на английский язык» (Довлатов, 2017с: 400).

В свою очередь, женщины-переводчики в творческой системе писателя противопоставлены мужчинам-переводчикам. Переводчицы вызывают как у Довлатова-автора, так и у Довлатова-персонажа, романтическую заинтересованность. Он ощущает в себе двойную привлекательность для них: как мужчина и как писатель. Взаимосвязь оригинал-перевод, где перевод противопоставлен литературе и зависим от оригинала, находит свое отражение также и в отношениях автор-переводчица. Мужчины-переводчики в творчестве Довлатова представлены как комические персонажи, относящиеся к категории «босяков, забулдыг и изгоев» (Генис, 2017: 128).

Однако интересно отметить, что самого Довлатова во многих аспектах можно

воспринимать как переводчика. Тонкая грань между Довлатовым-писателем и Довлатовым-персонажем, работа журналистом и стремление буквально «перевести» окружающую его реальность на бумагу придают ему черты, характерные для этой профессии.

Для кого писал Довлатов? Автор определял своих главных читателей такими словами: «Я лично пишу для своих детей, чтобы они после моей смерти все это прочитали и поняли, какой у них был золотой папаша, и вот тогда наконец запоздалые слезы раскаяния хлынут из их бесстыжих американских глаз!» (Довлатов, 2017с: 403). По воле случая Екатерина Довлатова (Katherine Dovatov), дочь писателя, стала переводчиком и работала над переводом и редактированием английских версий его произведений⁹². Как точно замечает испанский исследователь Сапо, переводчик – «вероятно самый внимательный читатель из всех существующих»⁹³ (Zago, 2007: 14). Екатерина Довлатова как раз и стала одним из этих «самых внимательных читателей», исполнив желание своего отца.

REFERENCES

- Alekseeva, M. L., Pavlova, A. V. (2020). *Neperevodimost' teksta i bezjekvivalentnost' slov. Przegľad Wschodnioeuropejski*, XI(2), 455–469. http://www.uwm.edu.pl/cbew/2020-11-2/39_Alekseeva-M_Pavlova-A.pdf
- Álvarez, R., & Vidal Claramonte, M. C. Á. (1996). Translating: A Political Act. In R. Álvarez & M. C. Á. Vidal Claramonte (Eds.), *Translation, Power, Subversion* (pp. 1–9). Clevedon/Filadelfia/Adelaide: Multilingual Matters.
- Apter, E. (2013). *Against World Literature: On the Politics of Untranslatability*. London/New York: Verso Books.
- Арчев, А. (2017). *Nasha malen'kaja zhizn'. V C. Dovlatov, Sobranie prozy v chetyreh tomah: T. I* (ss. 5–30). Sankt-Peterburg: Azbuka.
- Bassnett, S., & Johnston, D. (2019). The Outward Turn in Translation Studies. *The Translator*, 25(3), 181–188. <https://doi.org/10.1080/13556509.2019.1701228>
- Bassnett, S. (1996). The Meek or the Mighty: Reappraising the Role of the Translator. In R. Álvarez & M. C. Á. Vidal Claramonte (Eds.), *Translation, Power, Subversion* (pp. 10–24). Clevedon/Filadelfia/Adelaide: Multilingual Matters.
- Bielsa, E., & Bassnett, S. (2009). *Translation in Global News*. London/New York: Routledge.
- Brodsky, J. (1986). *Less Than One: Selected Essays*. New York: Farrar, Straus and Giroux.
- Butenina, E. M. (2016). Sergei Dovlatov's Ludic Literary Discourse in the Original and in English Translations. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 5(9), 1232–1238. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-2016-9-5-1232-1238>
- Carbonell i Cortés, O. (1999). *Traducción y cultura: De la ideología al texto*. Salamanca: Ediciones Colegio de España.
- Conway, K. (2021). A Cultural Studies Approach to Semantic Instability: The Case of News Translation. *Linguistica Antverpiensia, New Series – Themes in Translation Studies*, 7,

⁹² В 2014 г. в США вышел ее перевод на английский повести «Заповедник».

⁹³ Оригинал (исп. яз.): «[...] quizás el lector más atento que existe».

- 29–43. <https://doi.org/10.52034/lanstts.v7i.207>
- Cygankova, A. A. (2018). Sergej Dovolatov v Italii: Opyt lingvostilisticheskogo analiza perevoda rasskaza «Predstavlenie». *Stephanos*, 4(30), 173–183. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35306908>
- Dobrozrakova, G. A. (2016). Zhurnalistskaja dejatel'nost' S. Dovolatova (dojemigrantskij period). *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija*, 1(56), 311–313. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/zhurnalistskaya-deyatelnost-s-dovolatova-doemigrantskij-period/viewer>
- Dobrozrakova, G. A. (2019). *Pojetika Dovolatova*. Sankt-Peterburg: Aletejja.
- Dovolatov, S. (2013). *Blesk i nishheta russkoj literatury: Filologicheskaja proza*. Sankt-Peterburg: Azbuka.
- Dovolatov, S. (2017a). *Sobranie prozy v chetyreh tomah* (T. 1). Sankt-Peterburg: Azbuka.
- Dovolatov, S. (2017b). *Sobranie prozy v chetyreh tomah* (T. 2). Sankt-Peterburg: Azbuka.
- Dovolatov, S. (2017c). *Sobranie prozy v chetyreh tomah* (T. 3). Sankt-Peterburg: Azbuka.
- Dovolatov, S. (2017d). *Sobranie prozy v chetyreh tomah*. Maloizvestnyj Dovolatov. Sankt-Peterburg: Azbuka.
- Dovolatov, S., Efimov, I. (2001). *Jepistoljarnyj roman*. Moskva: Zaharov.
- Farley, S. K. (2013). Translation, Interpretation, Fan Fiction: A Continuum of Meaning Production. *Transformative Works and Cultures*, 14. <https://doi.org/10.3983/twc.2013.0517>
- Genis, A. A. (2017). *Dovolatov i okrestnosti. Filologicheskij roman*. Moskva: Izdatel'stvo AST.
- Gljed, D. (1991). *Besedy v izgnanii. Russkoe literaturnoe zarubezh'e*. Moskva: Izdatel'stvo «Knizhnaja palata».
- Godayol, P. (2008). Derrida y la teoría de la traducción en femenino. *DeSignis*, 12, 67–74. <https://www.redalyc.org/pdf/6060/606066731008.pdf>
- Hernández Guerrero, M. J. (2009). *Traducción y periodismo*. Bern: Peter Lang.
- Hernández Guerrero, M. J. (2019). Journalistic Translation. In R. A. Valdeón & M. C. Á. Vidal Claramonte (Eds.), *The Routledge Handbook of Spanish Translation Studies* (pp. 386–401). London/New York: Routledge.
- Kosova, G. R. (2018). S. D. Dovolatov kak zhurnalist: Nabljudatel' ili uchastnik? *Slavjanskaja kul'tura: istoki, tradicii, vzaimodejstvie. XIX Kirillo-Mefodievskie chtenija*, 371–375 <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35318137>
- Lastochkina, E. V. (2010). Sergej Dovolatov – redaktor gazety «Novyj amerikanec». *Vestnik RUDN, serija Literaturovedenie. Zhurnalistika*, 2, 52–60. https://journals.rudn.ru/literary-criticism/article/view/4721/ru_RU
- Martín Ruano, M. R., & Vidal Claramonte, M. C. Á. (Eds.). (2016). *Traducción, medios de comunicación, opinión pública*. Granada: Comares.
- Meerzon, Y. (2015). To the Poetics of Neighbourhood in Sergei Dovolatov's Émigré Writings. *Toronto Slavic Quarterly*, 54, 60–85. <http://sites.utoronto.ca/tsq/54/Meerzon.pdf>
- Mikaelyan, Y. (2014). Zapoviédnik, de Serguei Dovolátov: Traduzindo a cultura e o riso. *TradTerm*, 24, 263–279. <https://www.revistas.usp.br/tradterm/article/view/96570/95782>
- Mikaelyan, Y. (2016). *Serguei Dovolátov: Texto de cultura na literatura russa contemporânea*. Doctoral thesis. University of São Paulo. <https://teses.usp.br/teses/disponiveis/8/8155/>

- tde-14122016-110500/es.php
- Mikajeljan, Ju. I. (2019). Jumoristicheskaja proza S. Dovolatova: Vozmozhnosti perevoda i kul'turnoj adaptacii (na primere povesti «Zapovednik»). *Filologicheskie nauki v MGIMO*, 4(16), 69–78. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2018-4-16-69-78>
- Nesterova, N. M., Korjukina, N. V. (2007). O probleme mezhkul'turnoj transliruемости komicheskogo (na primere povesti Sergeja Dovolatova «Kompromiss»). *Vestnik JuUrGU*, 1, 9–12. <https://cyberleninka.ru/article/n/o-probleme-mezhkulturnoy-transliruемости-komicheskogo-na-primere-povesti-sergeya-dovolatova-kompromiss>
- Pegenaute, L. (2012). The Poetics of Translation According to Javier Marias: Theory and Practice. *TTR : Traduction, Terminologie, Rédaction*, 25(2), 73–118. <https://doi.org/10.7202/1018804ar>
- Pushkina, A. V., Tolstova, O. V., & Krivoshlykova, L. V. (2020). Osobennosti perevoda slov-realij perevodchikom-bilingvom (na materiale sbornika rasskazov C. Dovolatova «Chemodan»). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 13(10), 286–292. <https://www.gramota.net/materials/2/2020/10/56.html>
- Sal'mon, L. (2008). *Mehanizmy jumora. O tvorcestve Sergeja Dovolatova*. Moskva: IMLI RAN im. A. M. Gor'kogo.
- Simon, S. (1996). *Gender in Translation. Cultural Identity and the Politics of Transmission*. London/New York: Routledge.
- Shelkova, O. V., Davidenko, E. S. (2016). Perevod sovetizmov na anglijskij jazyk (na materiale sbornika rasskazov Sergeja Dovolatova «Chemodan» i ego perevode Antoniny Buis). *Jazyk, kul'tura i nauchno-tehnicheskie innovacii v stranah izuchaemyh jazykov. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii molodyh uchenyh*, 510–514. http://www.istu.edu/docs/education/faculty/applied_linguistics_faculty/2016/konf_2505.pdf#page=511
- Shoronova, O. N. (2015). Obraz russkoj zhenshhiny v Amerike v povesti S. Dovolatova «Inostranka». *Nauchnyj poisk*, 3(4). http://sspu.ru/pages/journal/arhiv/2015/np_2015_3.4.pdf#page=53
- Tarasenko, T. V., Kero Hervil'ja, Je. F. (2021). Ob'ekty vinopitija v povesti S. Dovolatova «Zona» kak nacional'nye realii i ih perevod na ispanskij jazyk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija*, 73, 114–136. <https://doi.org/10.17223/19986645/73/7>
- Tyrtova, G. P. (2019). O trudnostjah perevoda na serbskij jazyk povesti S. Dovolatova «Zapovednik». *Slavjanskij al'manah*, 3(4), 460–477. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42470370>
- Venuti, L. (2016). Hijacking Translation: How Comp Lit Continues to Suppress Translated Texts. *Boundary 2*, 43(2), 179–204. <https://doi.org/10.1215/01903659-3469952>
- Vidal Claramonte, M. C. Á. (2022). *Ilan Stavans, traductor*. Granada: Comares.
- Voroncova-Maralina, A. A. (2007). Avtorskaja koncepcija lichnosti kak ciklobrazujushhij faktor v proze Sergeja Dovolatova. *Vestnik RGGU. Serija: Istorija. Filologija. Kulturologija. Vostokovedenie*, 7, 106–114. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=13036405>
- Wang, G. (2019). *Translation in Diasporic Literatures*. Singapore: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-981-13-6609-3>

- Young, J. (2009). *Sergei Dovlatov and His Narrative Masks*. Evanston, Illinois: Northwestern University Press.
- Zaro, J. J. (2007). *Shakespeare y sus traductores. Análisis crítico de siete traducciones españolas de obras de Shakespeare*. Bern: Peter Lang.
- Zakurenko, A. (2005). Sergej Dovlatov kak Rasskazchik. *Topos. Literaturno-filosofskij zhurnal*. Retrieved from <https://www.topos.ru/article/4095>
- Zhuang, C. (2021). Writer as Translator: Cultural Translation in Han Suyin's *A Many-Splendoured Thing*. *Journal of Postcolonial Writing*, 57(2), 198–211. <https://doi.org/10.1080/17449855.2021.1894679>
- Алексеева, М. Л., Павлова, А. В. (2020). Непереводаемость текста и безэквивалентность слов. *Przeгляд Wschodnioeuropejski*, XI(2), 455–469. http://www.uwm.edu.pl/cbew/2020-11-2/39_Alekseeva-M_Pavlova-A.pdf
- Арьев, А. (2017). Наша маленькая жизнь. В С. Довлатов, *Собрание прозы в четырех томах: Т. 1* (с. 5–30). Санкт-Петербург: Азбука.
- Воронцова-Маралина, А. А. (2007). Авторская концепция личности как циклообразующий фактор в прозе Сергея Довлатова. *Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение*, 7, 106–114. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=13036405>
- Генис, А. А. (2017). *Довлатов и окрестности. Филологический роман*. Москва: Издательство АСТ.
- Глэд, Д. (1991). *Беседы в изгнании. Русское литературное зарубежье*. Москва: Издательство «Книжная палата».
- Доброзракова, Г. А. (2016). Журналистская деятельность С. Довлатова (доэмигрантский период). *Мир науки, культуры, образования*, 1(56), 311–313. <https://cyberleninka.ru/article/n/zhurnalistskaya-deyatelnost-s-dovlatova-doemigrantskiy-period/viewer>
- Доброзракова, Г. А. (2019). *Поэтика Довлатова*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Довлатов, С. (2013). *Блеск и нищета русской литературы: Филологическая проза*. Санкт-Петербург: Азбука.
- Довлатов, С. (2017а). *Собрание прозы в четырех томах* (Т. 1). Санкт-Петербург: Азбука.
- Довлатов, С. (2017б). *Собрание прозы в четырех томах* (Т. 2). Санкт-Петербург: Азбука.
- Довлатов, С. (2017с). *Собрание прозы в четырех томах* (Т. 3). Санкт-Петербург: Азбука.
- Довлатов, С. (2017д). *Собрание прозы в четырех томах. Малоизвестный Довлатов*. Санкт-Петербург: Азбука.
- Довлатов, С., Ефимов, И. (2001). *Эпистолярный роман*. Москва: Захаров.
- Закурено, А. (2005). Сергей Довлатов как Рассказчик. *Топос. Литературно-философский журнал*. <https://www.topos.ru/article/4095>
- Косова, Г. Р. (2018). С. Д. Довлатов как журналист: Наблюдатель или участник? *Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIX Кирилло-Мефодиевские чтения*, 371–375 <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35318137>
- Ласточкина, Е. В. (2010). Сергей Довлатов – редактор газеты «Новый американец».

- Вестник РУДН, серия Литературоведение. Журналистика*, 2, 52–60. https://journals.rudn.ru/literary-criticism/article/view/4721/ru_RU
- Микаэлян, Ю. И. (2019). Юмористическая проза С. Довлатова: Возможности перевода и культурной адаптации (на примере повести «Заповедник»). *Филологические науки в МГИМО*, 4(16), 69–78. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2018-4-16-69-78>
- Нестерова, Н. М., Корюкина, Н. В. (2007). О проблеме межкультурной транслируемости комического (на примере повести Сергея Довлатова «Компромисс»). *Вестник ЮУрГУ*, 1, 9–12. <https://cyberleninka.ru/article/n/o-probleme-mezhkulturnoy-transliuemosti-komicheskogo-na-primere-povesti-sergeya-dovlatova-kompromiss>
- Пушкина, А. В., Толстова, О. В., & Кривошлыкова, Л. В. (2020). Особенности перевода слов-реалий переводчиком-билингвом (на материале сборника рассказов С. Довлатова «Чемодан»). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 13(10), 286–292. <https://www.gramota.net/materials/2/2020/10/56.html>
- Сальмон, Л. (2008). *Механизмы юмора. О творчестве Сергея Довлатова*. Москва: ИМЛИ РАН им. А. М. Горького.
- Тарасенко, Т. В., Керо Хервилья, Э. Ф. (2021). Объекты винопития в повести С. Довлатова «Зона» как национальные реалии и их перевод на испанский язык. *Вестник Томского государственного университета. Филология.*, 73, 114–136. <https://doi.org/10.17223/19986645/73/7>
- Тыртова, Г. П. (2019). О трудностях перевода на сербский язык повести С. Довлатова «Заповедник». *Славянский альманах*, 3(4), 460–477. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42470370>
- Цыганкова, А. А. (2018). Сергей Довлатов в Италии: Опыт лингвостилистического анализа перевода рассказа «Представление». *Stephanos*, 4(30), 173–183. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35306908>
- Шелкова, О. В., Давиденко, Е. С. (2016). Перевод советизмов на английский язык (на материале сборника рассказов Сергея Довлатова «Чемодан» и его переводе Антонины Буис). *Язык, культура и научно-технические инновации в странах изучаемых языков. Материалы Международной научно-практической конференции молодых ученых*, 510–514. http://www.istu.edu/docs/education/faculty/applied_linguistics_faculty/2016/konf_2505.pdf#page=511
- Шоронова, О. Н. (2015). Образ русской женщины в Америке в повести С. Довлатова «Иностранка». *Научный поиск*, 3(4). http://sspu.ru/pages/journal/arhiv/2015/nr_2015_3.4.pdf#page=53